
ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ПОСТГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ГРАНИ ФУНДАМЕНТАЛИЗМА*

Волобуев А. В.**

Статья посвящена анализу различных форм фундаментализма в контексте постглобализации. Современный этап развития глобализованного мира характеризуется определенным уровнем эрозии неолиберального проекта глобализации, а некоторые исследователи усматривают в нем дезинтеграцию глобальной финансово-политической системы с возвратом к протекционизму в торговле, поиску национальных и этнорелигиозных идентичностей в политике, демонтаж многих институтов социального государства. Создавшаяся ситуация предоставляет плодородную почву для процветания фундаменталистских контрнарративов в «серой зоне» проекта глобализации. В статье рассматриваются различные грани фундаментализма, такие как религиозный, этнорелигиозный и рыночный фундаментализм.

Ключевые слова: фундаментализм, глобализация, постглобализация, салафизм, социальная философия, философия религии.

The article is devoted to the analysis of various forms of fundamentalism in the context of post-globalization. The current stage of development of the globalized world is characterized by a certain level of erosion of the neoliberal project of globalization, while some researchers consider disintegration of the global financial and political system with a return to protectionism in trade, search for national and ethno-religious identities in politics, dismantling of many institutions of the social welfare state. The current situation provides fertile ground for prosperity of fundamentalist counter-narratives in the 'gray zone' of the globalization project. The article considers various facets of fundamentalism, such as religious, ethno-religious and market fundamentalism.

Keywords: fundamentalism, globalization, post-globalization, Salafism, social philosophy, philosophy of religion.

В своей статье «Будущее истории. Может ли либеральное общество пережить упадок среднего класса?» американский политолог Ф. Фукуяма, во многом полемизируя со своей собственной прогремевшей под занавес холодной войны концепцией конца истории, жалуется на отсутствие конкурирующего нарратива. «Отсутствие убедительного прогрессивного контрнарратива – опасно, поскольку

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет средств Научного фонда Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

** Волобуев Алексей Викторович – к. ф. н., доцент Департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: avvolobuev@fa.ru.

конкуренция оказывает на интеллектуальные дебаты столь же благоприятное воздействие, как и на экономическую деятельность. А серьезная интеллектуальная дискуссия совершенно необходима, поскольку нынешняя форма глобализованного капитализма разрушает социальную базу среднего класса, на котором держится либеральная демократия» [Фукуяма 2012]. Это было девять лет назад. В настоящее время контрнарратив сформировался и расцвел, и, как это часто бывает, совсем не тот, который ожидал американский политолог, рассматривая в качестве возможных альтернатив масштабные глобальные проекты. Вместо этого развивается целая россыпь различных движений, идеологием и течением, основанных преимущественно на локальных и региональных идентичностях, либо глобальных, но затрагивающих только некоторые аспекты бытия, например, только экономику. Нарратив глобальной либеральной демократии столкнулся не с равномогущим проектом, как это было на протяжении почти трех четвертей XX в., а с сопротивлением пестрой мозаики контрнарративных и антиннарративных идеологием и альтернативных взглядов, которые вместе сформировали концепт постглобализма.

Термин «постглобализация», появившийся в начале XXI в. [Галинская 2006], постепенно закрепляется как в академических публикациях, так и в публицистике [Евстафьев 2019] для характеристики дезинтеграции глобальной финансово-политической системы и эрозии глобалистского проекта, но термин так и не получил устойчивого положительного содержания.

Одним из мозговых центров проекта глобализации был и остается Римский клуб. В 1974 г. американский математик Михайло Месарович, член Римского клуба, опубликовал программный доклад «Человечество на перепутье», в котором автор критикует концепцию неограниченного экономического роста, предлагая в качестве альтернативы «органическую теорию», своеобразно обосновывающую систему глобального разделения труда, в которой каждый регион имеет специализацию подобно специализации клеток в организме, которую автор называет «глобальной экономической системой» [Mesarovic 1975].

Становление подобной глобальной экономической системы привело к противоречивым результатам: с одной стороны, уровень бедности в мирекратно снизился [Ending...; Hasell, Roser 2019]. С другой стороны, неравномерность в развитии между постиндустриальными обществами, концентрирующими финансово-политическую мощь, «мировыми фабриками», а также сырьевыми придатками продолжает накапливаться, а неравномерность в доходах между финансово-политической элитой и основной массой населения – стремительно расти при отсутствии конструктивной стратегии купирования этого процесса.

«Дефицит перспективы будущего приводит к тому, что естественные общественно-политические стратегии, которые в ответ на появление социальных вызовов должны помогать “здоровому обществу”, говоря словами Эриха Фромма, мобилизовать всеобщие усилия по адаптации к переменам, замещаются “оборонными” административно-управленческими техниками удержания сложившегося статуса-кво» [Ерохов 2020]. Постепенный демонтаж системы социального государства приводит к вакууму легитимности власти и заставляет политический истеблишмент обращаться к дискуссиям о «великом прошлом», а различные формы

социального и духовного протеста накапливаются вокруг идей религиозной, цивилизационной или иной идентичности, направленной в прошлое. Этот запрос формирует питательную почву для произрастания фундаменталистских идеологов.

Пестрая палитра видов фундаментализма включает в себя широкий спектр различных движений и учений, начинающихся от евангелического фундаментализма в США, печально известного салафизма до рыночного фундаментализма. Все эти на первый взгляд совершенно несхожие между собой учения и движения объединяет твердое убеждение в том, что существуют некоторые абсолютные фундаментальные основания религии, общества или экономики, отход от которых приводит к острым общественным проблемам, единственный способ борьбы с которыми – возвращение к основам. Эти принципы берут на вооружение фундаменталистские группы.

Фундаментализм не следует путать с консерватизмом. По отношению к системе «традиция – инновации» фундаментализм оказывается вариантом ответа на вызовы модернизации. В отличие от консерваторов, фундаменталисты стремятся не просто сохранить уже существующий уклад жизни, а решить острые проблемы, являющиеся порождением модернизации, путем радикального преобразования общества в соответствии с идеалом, который они помещают в прошлое. Стремление к преобразованию общества и человека приводит фундаменталистов к политической активности.

Связь фундаментализма с модернизацией подчеркивает Э. Гидденс: «Фундаментализм – это продукт современности, поскольку он не просто защищает традицию, но акцентирует, упрощает ее, подавая в средствах массовой информации» [Гидденс 2003]. Фундаментализм неверно прямо противопоставлять модернизму, он является частью этого проекта. П. С. Гуревич объясняет это следующим образом: «Итак, культурная природа фундаментализма – в сопротивлении нарастающей сложности жизни и ее обновлению. С этой точки зрения не исключено, что фундаменталистские тенденции культуры постоянно инспирируются другой крайностью. Не будь в культуре неизбывной, отчаянной погони за инновациями, не проступал бы фундаментализм в его навязчиво директивных формах. В той же мере модернизм черпает свои силы в противостоянии всякой ортодоксии, охранительству, социальной статике» [Гуревич 1995: 155].

Религиозный фундаментализм был исторически первой формой фундаментализма. Термин «фундаментализм» в XIX в. применялся в экзегетике и маркировал буквалистский подход к толкованию священных текстов. Религиозный фундаментализм сформировался в среде американских евангелистов как противостояние либерализации и модернизации церкви и христианского вероучения.

В период с 1910 по 1915 г. сторонники этого движения издали 12 томов под названием «The Fundamentals» («Основы»), в которых были подробно изложены основные тезисы и критика оппонентов: «либеральной» теологии, католицизма, мормонов, спиритизма, атеистической философии, дарвинизма и многих других. Именно по названию этого труда приверженцев подобных взглядов стали называть фундаменталистами.

Фундаменталисты были горячими сторонниками буквального толкования священных текстов, включая библейские чудеса и Воскресение Христово во пло-

ти, непогрешимости и несомненной истинности Священного Писания, а также в значительной степени поддерживали мессианскую идеологию в политике США. Вскоре фундаменталисты оформились во Всемирную христианскую фундаменталистскую ассоциацию (ВХФА), объединившую евангелические организации. Из-за участия в так называемом «Обезьяньем процессе» в 1925 г. за фундаменталистами закрепилась репутация обскурантистов. В течение XX в. фундаментализм эволюционировал, от него отпочковался более умеренный евангелизм, оба этих движения адаптировались к изменяющейся социальной реальности, оставаясь верными своей мессианской базе. Фундаменталисты осваивали информационное пространство, СМИ, затем Интернет и в какой-то степени ответственны за формирование так называемого «Библейского пояса» в США – крупного региона на юго-востоке страны, где особенно сильно влияние религии и евангелических церквей.

Наибольшую известность получил исламский фундаментализм, и это связано в первую очередь с террористическими актами, организованными исламистскими экстремистами на Ближнем Востоке, в Европе и США.

В каком-то смысле исторически первой формой исламского фундаментализма можно назвать ваххабизм, сформировавшийся еще в XVIII в. вокруг идеи о том, что истинный ислам практиковался только «праведными предками» («саляф»), то есть тремя первыми поколениями последователей Пророка Мухаммеда.

Основатель ваххабизма, впрочем, считал свое движение религиозным, а не политическим, концентрируясь на борьбе с нежелательными нововведениями (бид'а) в области религиозного культа, например, паломничеством к могилам святых, на «очищении» ислама от поздних влияний (например, суфизма) и на строгом соблюдении таухида (единобожия). Тем не менее ваххабитская идеология действительно может быть характеризована как радикальная фундаменталистская, учитывая нетерпимость ваххабитов к тем иноверам и даже мусульманам, которые не разделяют их ригористского толкования норм «чистого ислама». Идеи исламского фундаментализма стали заполнять идеологический вакуум в мусульманском мире после неудач модернизации на либеральной и социалистической политической платформе, например в Египте и Иране. Ф. Фукуяма резюмирует: «Так же как в конце XIX в. европейский национализм был обусловлен перемещением населения из сельской местности в города, так и исламизм – это реакция на урбанизацию в современном обществе на Ближнем Востоке» [Фукуяма 2012]. Как ни странно, резкий подъем цен на нефть в 1973 г. и в начале XXI в. также можно признать значимым фактором подъема исламского фундаментализма. Так, Л. Е. Гринин пишет: «Во-первых, у нефтедобывающих стран ослабело желание осуществить модернизацию по западной схеме... имея деньги, теперь можно решить все проблемы. Во-вторых, это словно идеологически подкрепляло исламизм – именно Аллах мог подарить правоверным такую благодать» [Гринин 2019: 29]. То есть исламизм и исламский фундаментализм поддерживали физиократические тенденции.

В такой социально-политической ситуации фундаментализм является попыткой мусульманского сообщества найти собственные идеологические и политические решения, отстаивать собственную идентичность [Волобуев, Кузина 2017].

Иногда эти решения приводят к формированию террористической идеологии, как это было в случае с ваххабизмом и с печально известным «Исламским государством» (запрещенным в России). Более умеренные этнорелигиозные фундаменталистские проекты формируют идеологическую почву для политической экспансии государств – региональных лидеров на культурно-цивилизационной основе [Мамедзаде, Махаматов 2020], как, например, неоосманизм Эрдогана в Турции. Иногда этнорелигиозный фундаментализм может играть оборонительную роль, как движение «Боду Бала Сена» на Шри-Ланке. Следует подчеркнуть, что, несмотря на ярко выраженное противостояние либерализации и секуляризации, не всякий фундаментализм становится экстремистским [Orekhovskaya *et al.* 2019].

Палитра видов фундаментализма не исчерпывается религиозными течениями. Значительное влияние в условиях постглобализма сохраняет рыночный фундаментализм (“free market fundamentalism”). Несмотря на кажущееся принципиальное различие с религиозным фундаментализмом, рыночный фундаментализм также представляет собой систему верований. Она построена на основе абсолютизации (в некоторых случаях даже своего рода сакрализации) модели свободного рынка так, как она представлена в текстах основателей классической экономической теории. Сами тексты А. Смита и Д. Рикардо играют в рыночном фундаментализме роль, схожую со священными текстами для религиозного и этнорелигиозного фундаментализма.

Основные положения, лежащие в основе мировосприятия рыночных фундаменталистов, можно свести к следующим тезисам.

Во-первых, «свободный рынок является локусом человеческого совершенства» [Leicht 2016]. Он должен быть единственным регулятором любых экономических отношений (а для радикальных фундаменталистов – и социальных, и политических). Ни один эксперт, учреждение или орган государственного управления не могут сравниться с объективным рыночным механизмом по эффективности и скорости принятия решений.

Во-вторых, частная собственность и управление всегда эффективнее государственной собственности и управления.

В-третьих, снижение налогов, сборов и пошлин ведет к более эффективной экономике, поскольку частные собственники всегда тратят деньги более эффективно, чем государство.

В-четвертых, любые регуляторные меры (“red tape”), аттестации, лицензирование и проверки всегда приводят к снижению эффективности, поскольку создают дополнительные административные издержки там, где их могло бы не быть, а в худшем случае форсируют переход от свободного рынка к олигополии или даже монополии, губительной для экономического роста.

В-пятых, любые субсидии, протекционистские меры и господдержка приводят к негативным результатам для всех экономических агентов: это оборачивается вредом для субсидируемого бизнеса или человека, поскольку он не может далее обходиться без господдержки и оказывается полностью зависим от своего патрона; это является вредом для государства, поскольку оно тратит деньги на субсидии; наконец, это вредно для потребителей товара или услуги, поскольку они оплачивают субсидии как своими налогами, так и, зачастую, ценами, в кото-

рые заложены бюрократические издержки, неизбежные в случае господдержки и субсидирования.

В текстах радикальных фундаменталистов мы можем встретить еще несколько положений.

В-шестых, никакие этические кодексы, регуляции и комитеты не нужны. Объективный свободный рынок сам будет поощрять тех экономических агентов, которые способны предложить товары и услуги с наилучшим соотношением цены и качества. Именно клиенты будут определять, каковы критерии этичности или неэтичности и какие фирмы ведут себя этично или неэтично по отношению к клиентам. Первые зарабатывают положительную репутацию, используя ее как актив для продвижения на рынке, а последние будут испытывать проблемы с бизнесом из-за низкого уровня доверия клиентов и будут вытеснены с рынка.

В-седьмых, конкуренция является оптимальным инструментом снижения издержек и заработных плат. Чем более конкурентен рынок, тем эффективнее многочисленные специалисты занимают все ниши на рынке, тем ниже издержки и зарплата. Последнее фундаменталисты почитают за благо.

Как и любая другая форма фундаментализма, рыночный фундаментализм был реакцией на кризисы, именно поэтому взлет популярности его идей приходится на время после финансовых кризисов 1987 и 2008 гг. Одним из политических последствий этих идей были разработка и частичное внедрение в государственное управление многих стран мира (например, Великобритании, США и России) концепции нового государственного управления ("New Public Management").

Ключевые положения радикальной реформы системы государственного управления можно свести к следующим пунктам [Dunleavy *et al.* 2005]. Большие, неспособные реагировать на изменения иерархические системы бюрократического управления необходимо заменить сетью небольших с большей скоростью реакции и системой отрицательных обратных связей. Важным фактором, по мнению фундаменталистов, является свойство традиционных забюрократизированных иерархических систем управления абсорбировать все попытки их реформировать и эффективно отстаивать свои собственные интересы вместо интересов государства. Далее, новое государственное управление требует разделить поставщиков услуг и их покупателей, а также допустить частные компании к оказанию максимально широкого спектра услуг. Это усилит конкуренцию и повысит эффективность государственного управления, делая услуги лучше, доступнее и «вымывая» не пользующиеся спросом. Хрестоматийным примером реализации подобной стратегии являются частные тюрьмы в США, которые выигрывают тендеры на содержание заключенных. Также важной является смена системы стимулирования работников. По мнению рыночных фундаменталистов, классические иерархические бюрократические государственные структуры демотивируют работников становиться эффективнее, поскольку мотивация носит почти исключительно негативный характер, так как работники не имеют положительных стимулов, а боязнь совершить ошибку подстегивает к перекладыванию ответственности и подавляет инициативу. Вместо этого рыночные фундаменталисты предлагали ввести стандартную для финансового менеджмента систему личной

ответственности и поощрений за невыполнение или выполнение ключевых показателей эффективности. Система показателей КРІ (Key performance indicators) вводится для каждой должности. Необходимым для КРІ является измеримость успешности той или иной деятельности в количественных показателях. Если какая-то деятельность не поддается количественному измерению (например, «музыкальность»), она не попадает в список критериев оценки и естественным образом «вымывается» из работы государственной структуры. Эффективные сотрудники поощряются и награждаются лично, неэффективные не проходят конкурсные процедуры. Система коллективной ответственности, делающая бюрократические иерархические системы косными и неспособными к изменениям, разрушается новым государственным управлением по замыслу сторонников этой идеи.

Новое государственное управление является ярким, но не единственным практическим применением рыночного фундаментализма. Дж. Стиглиц называл эту идеологию религией, потому что она не была основана на экономической науке или исторических свидетельствах: «...с исторической точки зрения, именно рыночный фундаментализм был превалирующей религией Запада на протяжении четверти века» [Stiglitz 2009]. Например, рыночный фундаментализм абсолютизировал модель «невидимой руки рынка» Адама Смита, которая является аргументом в пользу того, что фирмы, преследующие собственные интересы и максимизирующие прибыль, будут вести к общественному благополучию. Дж. Стиглиц отмечает, что существует распространенное предположение, будто сам Адам Смит хорошо осознавал ограниченность этого аргумента и фактически четко предупреждал об опасностях свободного рынка.

Какое место занимал фундаментализм в глобализованном мире и какое место эти многочисленные фундаменталистские течения и движения будут занимать в постглобалистскую эпоху? Фундаментализм в глобализованном мире оказывался как бы обратной стороной процесса глобализации, аккумулируя в себе социально-политический, социально-психологический и даже экзистенциальный протест, основанный на резком неприятии и отторжении перемен. В постглобалистскую эпоху «серая зона» становится больше. Причем эта зона постоянно существует в каждой конкретной социально-политической системе из-за столкновения нескольких противоположно направленных тенденций: центростремительных глобалистских и центробежных тенденций, основанных на местной идентичности.

Например, произошедшая в ходе серии поддерживавшихся западными политическими институтами революций в арабском мире, получивших название «арабская весна», революция в Египте 2011 г., в ходе которой был свергнут президент Хосни Мубарак, находившийся у власти 30 лет, привела вовсе не к демократизации и вестернизации страны, как это предполагал тот же Фукуяма в процитированной выше статье [Фукуяма 2012]. В ходе нее образовался вакуум власти, который позволил прийти к власти исламистской организации «Братья мусульмане». Таким образом, исламским фундаменталистам удалось канализировать социально-политический протест и недовольство трудностями модернизации под лозунгом «Ислам – вот решение!». Но в дальнейшем фундаменталисты, ставшие партией власти, должны были восстановить экономику и политическую систему страны, и новый президент М. Мурси предложил политическую програм-

му «Возрождение», направленную на развитие Египта на основе исламских принципов, как их понимали «Братья-мусульмане». Те пункты программы, которые были связаны с аккумуляцией социально-политического протеста, часто вступали в противоречие с интересами экономического развития страны, например, изменение законодательства, включавшее в себя запрет на спиртные напитки, ударило по развитой туристической отрасли страны. Выйдя из «серой зоны», фундаменталисты столкнулись с такими вызовами, на которые они не могли ответить в силу недостатков социально-экономического конструктива в своей программе, что закончилось уже в 2013 г. военным переворотом и возвращением страны к дореволюционной политической системе. Война с исламскими фундаменталистами на Синае с переменным успехом продолжается до сих пор. Такие «политические качели» представляют, на наш взгляд, достаточно типичный сценарий для фундаменталистов на политической арене постглобализации. Дезагрегация и дезинтеграция, пусть и ограниченная, глобального порядка, будет оставлять все больше «серых зон» на границе глобальных и локальных сил, но, в силу принципиальных недостатков конструктивной части их программ, будут достаточно быстро проигрывать политическую борьбу.

Некоторые исследователи возлагают значительные надежды на постглобализацию как преодоление кризисных тенденций: «Формирование многополярного постглобализационного мира создает перспективы для выхода из глобального кризиса, порожденного неолиберальной системой транснационального корпоративного капитализма. Новая постглобализационная парадигма предполагает отказ от глобализации как теоретического конструкта, задающего механизмы практической деятельности» [Скородумова 2016: 161]. С этим трудно согласиться, поскольку эта позиция похожа на такую: «Отказ от тушения дома позволит остановить распространение пожара, поскольку дом уже сгорит». Проводя исторические аналогии, можно сказать, что кризис феодализма был преодолен не отказом от насильственного объединения на основе религиозной идеологии (например, Контрреформации), а формированием устойчиво развивающегося капитализма, буржуазного общества с национализмом в качестве идеологической основы. Переход к постглобалистской модели означает, скорее, то, что процесс глобализации либо находится «на паузе», требуя новых сил и технологий, либо пределы глобализации на данном историческом этапе достигнуты, а для дальнейшего движения вперед истории нужен принципиально новый драйвер. Но мозаика контрнарративов не может служить полноценной заменой нарративу.

В целом можно характеризовать контуры постглобалистского мира как «новый мировой беспорядок», и в этом беспорядке множество «серых зон», в которых так буйно произрастают различные виды фундаментализма, а хаотичность и многочисленные дисбалансы глобальной финансово-политической системы будут генерировать в общественном сознании переменный ток ситуативной тревожности, которая служит прекрасной социально-психологической опорой фундаментализма. Отдельным вопросом является роль государства в новом мировом беспорядке. Многие теоретики глобализации считали, что государствам придется уступить часть своего суверенитета, как это и произошло, например, с ЕС. «Резко снизилась роль национальных государств в принятии политических и геополити-

ческих решений. Чаще всего они осуществляются вне публичного обсуждения в интересах крупных транснациональных корпораций» [Скородумова 2016: 161], но скептики утверждают, что «национальные государства никуда не делись, а правила либерализации рынков принимаются национальными правительствами, которые все еще в полной мере контролируют экономическую деятельность» [Левецкий 2020: 99].

Феномен постглобализации оставляет нам еще один любопытный вопрос. Постглобализация – реальность настоящего, а неолиберальная глобализация – страница прошлого, но существуют политические силы, которые включают в свою политическую программу возвращение к этому прошлому. В связи с этим возникает любопытная возможность: формирование глобалистского фундаментализма. Одной из возможных идеологических платформ может оказаться идея «Великой перезагрузки» (“The Great Reset”), выдвинутая в разгар пандемии COVID-19 директором ВЭФ Клаусом Швабом и принцем Великобритании Чарльзом. Таким образом, глобализм и фундаментализм могут оказаться вместе.

Означает ли переход к постглобализации отказ от глобалистского нарратива вообще? На это есть три «нет». Во-первых, нет, потому что сам термин «постглобализм» по своей конструкции имплицитно предполагает преодоление или новую форму проекта глобализации, от которого он отталкивается. Во-вторых, нет, так как в силу своей негативной природы постглобализация расширяет своего рода «серую зону» и не может развернуть течение «объективных естественно-исторических процессов вспять» [Чумаков 2020: 6]. В-третьих, нет, потому что глобалисты предлагают варианты модификации и адаптации проекта глобализации, такие как, например, развитие концепции глокализации Р. Робертсона. Постглобализация – скорее очередная форма глобализации, и даже «черные лебеди» вроде пандемии COVID-19 не в силах расцепить взаимно переплетенную комплексную паутину глобальных экономических, политических и культурных связей.

Литература

Волобуев А. В., Кузина Е. С. Исламский фундаментализм как фактор формирования идентичности современных мусульман // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 4. С. 51–54.

Галинская И. Л. Глобализация и постглобализация (обзор) // Культурология. 2006. № 4(39). С. 73–76.

Гидденс Э. Что завтра: фундаментализм или солидарность [Электронный ресурс] : Отечественные записки. 2003. № 1. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2003/1/2003_01_05.html (дата обращения: 03.01.2021).

Гринин Л. Е. Исламизм и глобализация // Век глобализации. 2019. № 1(29). С. 18–34.

Гуревич П. С. Фундаментализм и модернизм как культурные ориентации [Электронный ресурс] : Общественные науки и современность. 1995. № 4. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/790/112/1218/018G_urevich.pdf (дата обращения: 27.01.2021).

Евстафьев Д. Постглобализация и пространственное развитие России. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://expert.ru/expert/2019/14/postglobalizatsiya-i-prostranstvennoe-razvitie-rossii/> (дата обращения: 01.02.2021).

Ерохов И. А. Постглобализация и политическая архаизация в России [Электронный ресурс] : Мировая политика. 2020. № 2. С. 1–25. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33335 (дата обращения: 28.01.2021).

Левицкий В. С. От универсального модерна к плюрализму глобализации // Век глобализации. 2020. № 4(36). С. 97–111.

Мамедзаде И. Р., Махаматов Т. М. От религиозно-этнической цивилизации к глобальной: цивилизация тюрко-мусульманского мира // Век глобализации. 2020. № 4(36). С. 36–46.

Скородумова О. Б. Постглобализация как новая модель формирования многополярного мира // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 4(66). Ч. 1. С. 158–162.

Скородумова О. Б. Постглобализация как социальный феномен современного общества // Социальная политика и социология. 2016. № 4(66). Ч. 1. С. 205–212.

Фукуяма Ф. Будущее истории. Может ли либеральное общество пережить упадок среднего класса? // Россия в глобальной политике. 2012. № 1. Январь/февраль [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/budushhee-istorii/>.

Чумаков А. Н. Глобалистика в контексте современности: испытание пандемией // Век глобализации. 2020. № 3(35). С. 3–14.

Dunleavy P., Margetts H., Bastow S., Tinkler J. New Public Management is Dead – Long Live Digital-Era Governance // Journal of Public Administration Research and Theory. 2005. No. 16. Pp. 467–494.

Ending Poverty [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/en/sections/issues-depth/poverty/> (дата обращения: 03.02.2021).

Hasell J., Roser M. How do We Know the History of Extreme Poverty? 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://ourworldindata.org/extreme-history-methods> (дата обращения: 04.02.2021).

Leicht K. T. Market Fundamentalism, Cultural Fragmentation, Post-modern Skepticism, and the Future of Professional Work // Journal of Professions and Organization. 2016. No. 3. Pp. 103–117.

Mesarovic M. D., Pestel E. Mankind at the Turning Point: The Second Report to the Club of Rome. Dutton, 1974.

Orekhovskaya N. A., Volobuev A. V., Kosarenko N. N., Zakharova V. L., Sheshtak V. A., Sushkova Y. N. Religious Fundamentalism Salvation or a Threat to the Modern World? // European Journal of Science and Theology. 2019. Vol. 15. Issue 4. August. Pp. 61–70.

Stiglitz J. E. Moving beyond Market Fundamentalism to a More Balanced Economy // Annals of Public and Cooperative Economics. 2009. Vol. 80(3). Pp. 345–360.

References

Volobuev A. V., Kuzina E. S. Islamskij fundamentalizm kak faktor formirovaniya identichnosti sovremennyh musul'man [Islamic Fundamentalism as a Factor in the Formation of the Identity of Modern Muslims] // Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskoye i yuridicheskoye nauki, kulturologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki. 2017. No. 4. Pp. 51–54.

Galinskaya I. L. Globalizatsiya i postglobalizatsiya (obzor) [Globalization and Post-globalization (overview)] // *Kul'turologiya*. 2006. No. 4(39). Pp. 73–76.

Giddens E. Chto Zavtra: Fundamentalizm ili Solidarnost' [As to Tomorrow: Fundamentalism or Solidarity] // *Otechestvennye zapiski*. 2003. No. 1. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2003/1/2003_01_05.html (accessed: 03.01.2021).

Grinin L. E. Islamizm i globalizatsiya [Islamism and Globalization] // *Vek globalizatsii*. 2019. No. 1(29). Pp. 18–34.

Gurevich P. S. Fundamentalizm i modernizm kak kul'turnye orientatsii [Fundamentalism and Modernism as Cultural Orientations] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 1995. No. 4. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/790/112/1218/018G_urevich.pdf (accessed: 27.01.2021).

Yevstaf'ev D. Postglobalizatsiya i prostranstvennoe razvitie Rossii. 2019 [Postglobalization and Spatial Development of Russia]. URL: <https://expert.ru/expert/2019/14/postglobalizatsiya-i-prostranstvennoe-razvitie-rossii/> (accessed: 01.02.2021).

Erohov I. A. Postglobalizatsiya i politicheskaya arhaizatsiya v Rossii [Postglobalization and Political Archaization in Russia] // *Mirovaya politika*. 2020. No. 2. Pp. 1–25. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33335 (accessed: 28.01.2021).

Levitskij V. S. Ot universal'nogo moderna k plyuralizmu globalizatsii [From Universal Modernism to the Pluralism of Globalization] // *Vek globalizatsii*. 2020. No. 4(36). Pp. 97–111.

Mamedzade I. R., Mahamatov T. M. Ot religiozno-etnicheskoj tsivilizatsii k global'noj: tsivilizatsiya tyurko-musul'manskogo mira [From Religious-Ethnic Civilization to Global Civilization: Civilization of the Turkic-Muslim World] // *Vek globalizatsii*. 2020. No. 4(36). Pp. 36–46.

Skorodumova O. B. Postglobalizatsiya kak novaya model' formirovaniya mnogopolyarnogo mira [Postglobalization as a New Model for the Formation of a Multipolar World] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2016. No. 4(66). Part 1. Pp. 158–162.

Skorodumova O. B. Postglobalizatsiya kak sotsial'nyj fenomen sovremennogo obshchestva [Postglobalization as a Social Phenomenon of the Modern Society] // *Sotsial'naya politika i sotsiologiya*. 2016. No. 4(66). Part. 1. Pp. 205–212.

Fukuyama F. Budushchee istorii. Mozhet li liberal'noe obshchestvo perezhit' upadok srednego klassa? [The Future of History. Can a Liberal Society Survive the Decline of the Middle Class?] // *Rossiya v global'noy politike*. 2012. No. 1. January/February [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/budushhee-istorii/>.

Chumakov A. N. Globalistika v kontekste sovremennosti: ispytanie pandemij [Globalism in the Context of Modernity: Pandemic Testing] // *Vek globalizatsii*. 2020. No. 3(35). Pp. 3–14.

Dunleavy P., Margetts H., Bastow S., Tinkler J. New Public Management is Dead – Long Live Digital-Era Governance // *Journal of Public Administration Research and Theory*. 2005. No. 16. Pp. 467–494.

Ending Poverty [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/en/sections/issues-depth/poverty/> (accessed: 03.02.2021).

Hasell J., Roser M. How do We Know the History of Extreme Poverty? 2019. URL: <https://ourworldindata.org/extreme-history-methods> (accessed: 04.02.2021).

Leicht K. T. Market Fundamentalism, Cultural Fragmentation, Post-modern Skepticism, and the Future of Professional Work // *Journal of Professions and Organization*. 2016. No. 3. Pp. 103–117.

Mesarovic M. D., Pestel E. *Mankind at the Turning Point: The Second Report to the Club of Rome*. Dutton, 1974.

Orekhovskaya N. A., Volobuev A. V., Kosarenko N. N., Zakharova V. L., Sheshtak V. A., Sushkova Y. N. Religious Fundamentalism Salvation or a Threat to the Modern World? // *European Journal of Science and Theology*. 2019. Vol. 15. Issue 4. August. Pp. 61–70.

Stiglitz J. E. Moving beyond Market Fundamentalism to a More Balanced Economy // *Annals of Public and Cooperative Economics*. 2009. Vol. 80, Issue 3. Pp. 345–360.